

Назад с дистанции

Долгое время перспективы онлайн-образования строили скорее для частных школ или дополнительных занятий, но 2020 год стал своеобразной точкой невозврата. Дистанционка, вызывающая много споров и вопросов, в один момент стала реальностью как для России, так и для всего мира.

В Петербурге проект «Концепции создания и развития системы дистанционного образования» разрабатывался с 2007 года, а аналогичная общероссийская концепция, на которую опирались в Петербурге, была утверждена более 20 лет назад
Фото Олега Харсеева

ЕКАТЕРИНА ДАНИЛОВА

Резкий уход всего образовательного процесса в онлайн из-за пандемии стал полной неожиданностью, пожалуй, для всего мира. Менее болезненно, на первый взгляд, его перенесли университеты: у них оказалось больше наработанных форм взаимодействия со студентами в интернете, да

**5% педагогов
20% родителей**

посчитали переход на дистанционное обучение полностью неуспешным

и договариваться о новых, но хотя бы немного привычных способах общения, пришлось лишь с обучающимися — молодыми и в целом готовыми к переменам. Система среднего образования дистанционное обучение восприняла более критично, однако для кого именно уроки по Skype стали большей неожиданностью — для учителей, учеников или их родителей, — сказать непросто.

Если высшие учебные заведения довольно много работали в интернете, когда речь шла, например, о дополнительном образовании, то средние с онлайн-экспериментировали меньше. В Петербурге проект «Концепции создания и развития системы дистанционного образования» разрабатывался с 2007 года, а аналогичная общероссийская концепция, на которую опирались в Петербурге, была утверждена более 20 лет назад. Такая форма работы была рассчитана на несколь-

ко категорий обучающихся. Среди них — дети с ограниченными возможностями или хроническими заболеваниями, те, кто серьезно занимается творчеством или спортом и, соответственно, часто пропускает уроки из-за поездок на концерты или соревнования, а также для одиннадцатиклассников, сосредоточенных на подготовке к вступительным испытаниям.

Последняя категория вызывает особенный интерес, потому что в ней можно проследить аналогию с тем, как проблему онлайн и офлайн решают в высших учебных заведениях. Например, еще в 2018 году ректор Высшей школы экономики (ВШЭ) Ярослав Кузьминов рассказывал о планах отменить все очные лекции и перевести их в онлайн-курсы. Свое решение ректор ВШЭ объяснял тем, что посещаемость лекций студентами в российских вузах составляет в среднем всего 15–17%, а вовлеченность в этот процесс — еще ниже. «Коэффициент полезного действия у таких лекций даже в Вышке низкий. Это никому

не нужно, это профанация», — говорил Ярослав Кузьминов. Примерно такая же схема может прослеживаться и в случае одиннадцатиклассников, которые уже выбрали предметы для сдачи ЕГЭ и в полную силу готовятся к нему, а некоторые — и к дополнительным вступительным испытаниям в вузы.

Несмотря на наличие концепции развития дистанционного образования и заранее созданной и используемой платформы, эти инструменты не применялись в широких масштабах. Система дистанционного обучения работала в полную силу около четырех лет для детей с ограниченными возможностями — их в городе было около 4 тыс. человек. Из-за коронавируса же на онлайн-обучение перешли около 500 тыс. человек. Для кого именно дистанционное образование стало большим вызовом — сказать сложно. В мае в Санкт-Петербурге в системе электронного голосования, разработанной в городе, прошел тестовый опрос среди родителей и педагогов об опыте дис-

НЕСМОТЯ НА НАЛИЧИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАРАНЕЕ СОЗДАННОЙ И ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ПЛАТФОРМЫ, ЭТИ ИНСТРУМЕНТЫ НЕ ПРИМЕНЯЛИСЬ В ШИРОКИХ МАСШТАБАХ